

Светлана Хромова

Непоправимый рай

Светлана Хромова

Непоправимый рай

Москва

«Воймега»

2018

УДК 821.161.1-1 Хромова
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Х94

С. Хромова

Х94 Непоправимый рай / Светлана Хромова. – М.: Воймега,
2018. – 84 с.

ISBN 978-5-6040915-8-6

ISBN 978-5-6040915-8-6

© С. Хромова, текст; 2018
© «Воймега»; 2018

Я вернулась
из Трои

* * *

Есть такие потери, которых не избежать:
Бесконечные часики, варежки, кошельки.
Есть другие – сбросишь, и хочется гнать, дышать,
Но теряешь и это, словно кольцо с руки.

Перекрёсток ветренный, сердце всех городов,
Пожалей меня, ведь потери идут по пятам.
И находят на крае света, в любом из любых портов,
В Пунта-Кана, в Пуэрто-Галера, на острове Ган.

Так и бьётся сердце где-то под языком.
Переходишь на шёпот, на крик. Тайком
Смотришь в зеркало – с этим ты не знаком.
И глотаешь сердце тёплым чужим комком.

* * *

График новогодних выходных,
Зимняя бездушная чечётка.
Всё не так, и валится из рук
Книга, чай, и интернет, и водка.

Всё же страшно что-то потерять.
Нужно ждать весны, а может, снега.
И прокладывать покуда гать,
И искать приюта и ночлега.

Всё давно исправлено, поверь,
В этом мраке есть любое место.
Человек порою тот же зверь,
Но везде ему темно и тесно.

* * *

Осень. Деревья качаются в первом снегу.
У него есть коньяк. У неё шоколадка.
И пока в тёмной комнате тихо. И мышка в углу ни гугу.
Но уже хорошо и несложно и горько и сладко.

Это не навсегда, но привычно раскрыты зрачки,
Что запишешь в своей непутёвой тетрадке...
В пыльном ящике кнопки, конверты, значки –
Всё лежит в беспорядке.

Мир колыхается втайне от наших зрачков и значков,
Но когда хорошо – наступает безбрежное время.
Ты допей, докури этот мир дурачков,
Где огонь добывает твоё бестолковое племя,

Только ящик не трогай, где кнопки, конверты, значки
И тетрадки. То память приходит прибоем
И во тьме загораются светлячки,
Но тебя не берут с собою.

И пока тишина, только время стучит по стеклу,
Только кончики пальцев немеют.
Но уже и оно поддаётся теплу,
Оставляет пустую затею.

И неведомо, вспомнишь ли стол и ночлег,
Где за стенкой гудит щитовая.
А они, как на берег, выходят на снег,
Белый свет осторожно вдыхая.

* * *

Это ли август: стихийная ржавость травы,
Смуглые руки, мои загорелые плечи.
Замоскворечье в дыму, и кипящую кровь
Время уже никогда, никогда не излечит,
Кто там не спрятался в ласковых пальцах Москвы?

Так ли пьянеть от случайной нездешней воды,
Солнце стоит высоко, в копытце полно водицы.
Вспомнишь ли, кто тебе брат, кто не брат,
Если в твоём рукаве ядовитые птицы,
Если вода невзначай размывает твои следы.

Это ли лунный шёпот – это всё август, август,
В солнечной колыбели, в памяти января,
Это морская пена, это монгольский ветер,
Травы, деревья, скалы, капельки янтаря,
Вспомнить ты не успеешь, август сорвётся с уст.

* * *

Я вернулась из Трои, тебе привезла коня,
Почему ты отводишь глаза, посмотри на меня.
Я хотела стать чайкой, хотела пеной морской,
У меня сколько хочешь нежности неземной.

Я хотела построить дом, построила стену
И теперь боюсь, что случайно её задену,
Она станет камнями – так было и раньше.
Мне не стоит думать о том, что дальше.

Я кручу твой глобус и не жалею об этом.
Ты прекрасно знаешь, что будет с этой планетой.
А когда под окном проехал первый автобус,
Я разбила о стену этот безлюдный глобус.

* * *

Так обретают свободу, разжата кисть,
Пальцы не помнят вещи, что нужно оставить,
Лошади целы – и дальше – держись,
Ты точно знаешь, куда теперь будешь править.

В зеркале солнце, в озере деревцо,
Сыпятся листья, в туман уезжает поезд,
И ничего не стоит остаться, но –
Это теперь совсем ничего не стоит.

Мой рай
из яблок

* * *

А начиналось как начиналось всегда:
Живая вода, весна, города.
Но это становится больше меня —
И вот я
По ту сторону тебя.

Когда ты сказал, улыбаясь: «Е-восемь, ранен, убит», —
Поняла — мой корабль на дне лежит,
По утрам видит солнце,
Вечерами звёзды из-под воды —

Её пальцы ломали цветы и ломали льды,
Я боюсь этих пальцев, но страшнее их и меня
То, что больше тебя.

* * *

Так произносятся: «Ты мне ничего не должен»,
Так забывают, не могут вспомнить вкус крови.
Небо ложится на крышу кареты, стекает с кровли
Мира, который сегодня навек возможен.

Здесь она будет любить своего Родена.
Она ни о чём не помнит, всё забывает.
Как пустота наполняется, сердце в сердце перетекает,
Как море уходит, как высыхает белая пена.

Из первобытных слов, из тьмы виноградной грозди
Хлынет, смывая напрочь земное лето,
Все те травинки, все капли земного света,
Весь комариный писк, весь полёт стрекозий.

* * *

Всю тьму ведут на поводке,
Меж лап похрустывают льдинки.
В каком далёком далеке,
В каком прекрасном поединке

Открыть глаза, чтоб вслух назвать
По имени слова бессмертия.
И жизнь, как воздух, воровать,
Без жалости и милосердия.

И просыпаться перед тем,
Как солнце выйдет из-за края,
Чтоб к тени наклонялась тень,
Шепча ответное: «Я знаю!»

Я знаю — это навсегда:
Мы родились. А значит, можно
Назвать слова по именам
И радоваться нетревожно.

* * *

Задрожал мобильный в её руке.
Её пальцы пахнут пылью и бузиной.
Ей не страшно, не холодно, что с тобой?
Так бывает. И время идёт налегке,

И блестит шиповник, но ты идёшь.
Твоя правда в том, что растёт трава,
Что ты знаешь, чувствуя эту дрожь,
До чего ты сегодня жива.

* * *

это как перед тем как зайти в холодную воду
хочешь волю получаешь свободу
рыжий месяц глядит на фонарь

захвати меня зааркань
отними у прекрасной горячки
в голове моей море и ласточки

это как прикусить свой язык и не заметить
мы не то что за нас каждый сам за себя не в ответе
льётся музыка льётся вино

это как улыбаясь ехать в метро
проезжая все свои остановки
и в конце будет свет

так приходят в себя и видят
никого рядом нет

* * *

На вечернем пляже камни белы, как кость.
Сентябрь две тысячи двенадцатого года
Махнул рукой, и зрение слилось
С водой и небом – такова природа.

Солнце долго меркнет за дымкою голубой,
Человек услышал в неровном пульсе:
«Я живой! Я живой! Я живой!
Ты меня на свободупустишь?»

Мы недаром выбрались из Москвы,
Здесь не вспомнить про митинги и про марши,
На пороге нехоженой синевы
Разве может быть больно и страшно.

Здесь туристы глазют на алые паруса,
А она – смеётся и камни бросает в воду.
Она знает, что будет: не будет конца
Всем отпущенным на свободу.

* * *

Что мне делать с этим летом и этим Крымом?
Его травы звенят в жарком воздухе побережья,
И я наполняюсь его воздухом снова и снова,
Словно он бесконечен.
Словно у сердца выдернули чеку,
А оно почему-то не взорвалось.
«Отдай мне чеку», — говорю я.
Ты молчишь и смотришь на меня так,
Что я чувствую себя русалкой и ведьмой одновременно.
И понимаю — моё сердце навсегда открыто.

* * *

Как любить тебя долго и странно,
Словно эта земля навсегда.
Нелюдимой зимы панорама
Фотокарточкой тусклой легла

На ладони. В нелётную осень
Запоздавшая бабочка вмиг
Тёплый кокон не думая бросит,
Чтобы выйти из песен и книг

В синеву, где по-летнему светит,
Где ликует, дрожит и горит
На любом нескончаемом свете,
На который всё небо летит.

* * *

Это всё не о том, не о том,
Это двигать замёрзшим крылом,
Это стряхивать кровь с полотенца.
Мы здесь жили недолго, но были собой,
Мы глазели в закат и рассвет голубой
Обмороженным зрением, хрупкостью жил.
Говоришь, что живёшь ты, нет, ты уже жил,
Засыпающий мой пересмешник.
Я завидую, как тебе сонно, легко,
Ты меня победил, ты уже далеко,
Я — сдаюсь, за окном нет рассвета.
Нет рассвета, лишь серый облупленный дом,
Как мы видели что-то иное о том,
Что иным быть не может.
Это проще всего: этот дом и окно,
За которое выйти не может никто,
Но ты вышел — счастливая птица моя.
Хорошо, это ты — как бы ты без меня?
Это всё не о том, не о том, не о том,
Не отдам никому то, что было крылом,
И тем более — это моё полотенце.
Вы же знаете сами — ни ночи, ни дня,
Ни воды, ни земли, ни дорог, ни огня
Не отделишь от общего сердца.

* * *

Упасть и спать, и спать, и снов не видеть
О том, что не разрушен город мой,
О том, как мне любить и ненавидеть
Пришлось с тобой.

Про голую, весеннюю, слепую,
Подснежную, взрывающую лёд.
Неровную, тревожную, живую,
Которая всё-всё переживёт.

* * *

Расскажи мне, что я мертва.
Что уже истрочены все слова,
Те, которые я спасла
И которые не...
Это всё не страшно,
Если смотреть на свет очень долго,
Узнаешь, что зрения нет,
Как и нет всего остального.
Так давай признаем, пока мы здесь,
Это только кажется — время есть,
А на самом деле нет ничего иного,
Кроме слова спасённого,
И имя ему одно,
Ничего не помнить бы больше,
Так расскажи мне о том,
Задержи, когда я пойду на ты.
И я сдамся в плен, и отдам слова,
И поверю, что более не жива,
И не стану об этом помнить.

* * *

Что ты ходишь по дому как зверский зверь,
Неумелое чудо природы?
От каких дорог, от каких потерь,
От кого ты желаешь свободы?

Перечёркнут тобою вчерашний свет,
Перевязана новая рана.
А тебе всё конца и начала нет,
Словно берегу океана.

Если буря — эти мешки с песком
Не помогут, к чему движенье,
Где ладонь становится кулаком,
Ты не сможешь выйти из окруженья

Фотографий, запахов, книг, картин —
Во всём свете такая тишь!
В этой тёмной комнате ты один
Без конца и начала кружишь.

* * *

Наступит ранняя весна, мы будем вместе.
Как мне б хотелось загадать стихи и песни
Об очертаньях мостовых в безлюдье улиц,
Которые на нас двоих не обернулись.

Где мы уходим от потерь легко и верно,
Где просыпается в земле подснежник первый,
Где дым уходит из трубы и тает в небе,
Где почки тянутся к дождю на ветках вербы,

Где снег уходит из Москвы, чтоб не вернуться,
Где мне захочется с тобой навек проснуться.
Не отпуская моей руки — я верю в чудо.
Пока жива, пока с тобой — я буду, буду,

Я не сойду с моей земли, живой и спелой,
Когда так холодно на ней, когда всё бело,
Что черт ничьих не угадать за этой тьмою.
Но я останусь здесь стоять, ведь ты со мною.

* * *

Пожертвуй меня незнакомым богам,
И мы побредём по стогам и снегам,
Откуда вернуться не может никто –
Надень потеплее пальто.

О нас не печалься, так лучше, поверь,
Когда-то придётся закрыть эту дверь
И выбрать: такое-то место, такой-то пейзаж,
Мир, город, посёлок, и двор, и гараж.

Уже понимать начинаю с трудом...
Теплее оденься, ведь в сердце моём
Московская тьма. Не московский мороз.
Мы в нём поселились навек и всерьёз,

Вокруг тёмный ветер пылился живой,
И нас обступало вечерней Москвой,
Когда мы прощались. Но, руки разжав,
Я всё поправляла твой сбившийся шарф,

Мне вдруг показалось, что плачет наш дом,
А может быть, просто от холода в нём
Вода появилась меж стёкол.

О нас не печалься, здесь всё навсегда:
И эта тревога, и эта вода,
И счастье, которое всюду.

* * *

Твоё имя рождалось в муках
На моём языке.
О расстояниях и разлуке не говори,
Но пой обо мне, о моей реке:
Если тайной тропой спуститься,
Две ладони, как два крыла,
Накрывают твои ресницы...
Не оставь меня. Я отдам все мои слова,

Мои крылья, мои ладони,
Моё небо, мой голос, мои цветы,
Лишь бы ждать тебя, лишь бы помнить,
Как ко мне наклонялся ты.
Как летели листья во все оконца,
Как спускалось небо с янтарных крон,
Что не дни и ночи — только сплошное солнце
С каждой из четырёх сторон.

Не оставь меня. Что мне весна и лето,
Что мне тьма из-за каждой двери
И что мне я, сторона моя, точка света,
Не покинь меня.
Далеко ли, близко ли, в котором времени года
И в каком часу ночи, утра ли, дня,
Воздух мой, моя нежность, моя природа,
Отвечай же, что не отдашь меня!

* * *

Ещё такая выпадет весна,
Что нам не различить штрихов и линий
Конца, начала, если есть она –
Меняя цвет с железного на синий,

Откроет небо, по реке пройдёт,
Она везде – подъездами, дворами,
Захвачен в плен озябший пешеход,
И посвист птичий подступает к раме,

И сквозь неё звук бьётся о шкафы,
И книги привстают на пыльных полках.
Оставлены перчатки и шарфы,
Синеют лужи в тоненьких осколках

Былого льда, в котором я была,
«Весна, весна...» – всё время повторяя,
Мой город был прозрачнее стекла,
И хрупкий звук холодного трамвая

Меня страшил. Но в каждой стороне,
Где мы навстречу, параллельно, врозь
Живём. И помним о такой весне,
Что прошивает воздухом насквозь

И навсегда... Но если?.. Что? Но что,
Когда в ручье кораблики спешат
И капитанам их не страшен шторм –
То нам с тобой не страшно и дышать.

* * *

Мне не хватит ума отказаться от лучшей беды,
Что, случившись, печаль мою скоро развеет.
Не достать мне до дна и не выйти из долгой воды,
Из холодного неба, что больше меня не жалеет.

Время вышло, как тысячи тысяч времён,
Уцелевшие так не выходят из моря,
Где остался корабль, водой покорён,
Он спокоен и тих, со стихией напрасно не споря.

И бежит по ладони твоей и моей напрямик
Наша долгая нить, наша нежность и наша отвага.
Мне не спрятать от света единственный верный тайник,
За который цена полминуты, полмира, полшага.

* * *

Всё в осени кажется рано:
Преддверие злой белизны,
Молочные веки тумана,
Пунцовые сны бузины.

Всё в осени зыбко и верно:
Реки убегающий плёс,
Летящая попеременно
Листва с тополей и берёз.

Осенняя дрожь не затронет,
Теперь не спасётся никто.
И женщина прячет ладони
В карманах мужского пальто.

Холодный каштан укрывая
В руке, словно мир наш земной,
Я, словно вселенная, знаю,
Насколько сегодня он мой.

* * *

Год обернулся кромешным цветением,
Нашего целого жгучая часть.
Цветочной правдою, птичьим пением,
Пустой дорогою заручась,

Идём не вовремя. Но слово вызреет,
Переиначит и перейдёт
От света к облаку, от сердца к имени
Того, кто нас с тобой переживёт.

* * *

Вдруг Дантес на дуэли Пушкина не убьёт...
Не об этом ли ты мечтала, хватаясь за переплёт,
Разноцветные книги, старые корешки.
А от них тебя уводили в секции и кружки.
На застывшем катке горели яркие огоньки,
Я не знала, зачем этот лёд должны резать мои коньки.
Забывала правильно падать на раненый лёд,
И кричала тренер, слабым никто от неё не уйдёт,
И болело всё, но не так, как у той, что ступала по острым ножам,
Она верила принцу, и он ей не возражал,
Всё закончилось пеной морской, так положено здесь,
Но пока ты шнуруешь коньки и надежда есть,
А ещё ты знаешь – слабому не уйти,
Потому остаётся падать, лечить, расти,
Открывать все двери и верить, что не убьёт.
И не помнить, как нужно падать на этот лёд.

* * *

когда я сложила из осколков себя
слово вечность
ты улыбнулся и произнёс
что же посмотрим нет ли в слове ошибок
и хотя я знала
оно написано безупречно
стало страшно от мысли
может быть снова ошиблась
и в моей жизни нет ни одного
верного слова

ты внимательно смотрел на мои буквы
брал в руки гладил их крепкие спины
целовал в мягкие животы
ты не видел ничего кроме этих букв
а потом выбрал несколько
и сложил из них моё имя
а остальные ссыпал в мои ладони
это тебе сказал ты
всё неправильно
ты всё сделала верно

* * *

Неба живая пряжа,
Долгие тополя.
Свет проступает даже
В родинках сентября.

В рыхлом вокзальном шуме,
Мокрой грибной траве,
Хвойном лесном костюме,
Каплях на рукаве.

Всё вперемешку, вроде
Двое под елью – мы?
Радуясь непогоде,
Прячемся от воды.

Жёлуди, подорожник,
Над головой самолёт.
Ты напиши, художник,
Осень, что не пройдёт.

* * *

От музыки больно, от света темно.
Я, словно царица, гляжу за окном
Неспящего ровного мира.

Ты видел меня без ума и без сердца,
Ты знаешь — мне некуда дальше раздеться
В лучах непрямого эфира.

Я знаю, я знаю — не выпадет нам
Жить долго, смеяться, гулять по полям,
Кормить голубей или белок.

Но что-то живое прольётся насквозь,
Где всё, что случилось, не оборвалось,
А стало сильнее и выше.

Сильнее, чем смерть, неизбежной любви,
Плыви, наш бумажный кораблик, плыви
Всё ближе, и ближе, и ближе.

* * *

Томик стихов на моём столе.
Свет монитора некстати гаснет.
Вот я, живущая на земле,
В мире, которого нет прекрасней.

Мир без любви, без войны, это не
Может с тобой и со мной случиться.
Мне приснилось – истина не в вине,
Я проснулась, а за окном синица.

Золотая грудка, чёрный глазок,
Кем мне надо быть, чтоб ещё родиться?
Кушай, птичка, хлебушек, сахарок,
Но не пой о том, что ещё случится.

Оглядишься – начало века, какая даль!
А придут другие и скажут: «Какая древность».
Улетай на небо и там меня выручай
Не за хлеб и сахар, но за любовь и верность.

* * *

Я ходила по городу — он был мне незнаком,
Имя нашего сына я носила под языком.
Тишиной долгих улиц сводило мосты...
Тёплый ливень прячет мои следы,

Безмятежное солнце жжётся наверняка,
Но я помню — милость бывает горька,
Но светла и вечна, и через край
Наше время льётся. Не отпускай,

Ни секунды, ни капли прошедшей нет.
Это наш свет. Это весь Свет.

* * *

Ю. П.

Мой рай из яблок и пустых ветвей,
Из предосенней медности полей,
Где я стою с улыбкою блаженной.
Здесь так светло, что не добыть огня,
И на всю жизнь хватило бы и дня,
Одной улыбки, вольной и намерной.

Мой яблочный непоправимый рай,
За что мне этот лес, осенний край,
Рябины вкус, наливники резные?
Вот дом. Не мой. Но я вхожу туда,
Пока ты даришь эти города,
Заморские, заречные, сквозные.

Вот пёс привычно машет мне хвостом,
А я последним яблонным листом
Встаю на цыпочки и наклоняюсь набок.
Прости меня, какой теперь я друг,
Жизнь выпала из ослабевших рук,
И вся земля в ковре из красных яблок.

Всё это так, что только б лечь ничком
На землю райским сорванным дичком
И жить без ветки радостно и смертно.
Я — дерево, я — осень, посмотри,
Мой рай в тебе, он у меня внутри,
И жизнь глядит на нас немилосердно.

На берегах Москвы

* * *

Мы заходили в старые дворы –
Москва тянула нас за рукава.
Незлые городские комары
Нам не мешали. Лёгкие слова

Летели мимо окон, мимо ламп,
Готовящихся вечер объявить.
А где-то письма отправлял почтамт,
И до Кремля протягивалась нить

Огней, дорог, людей, машин, машин.
А нам с тобою было невдомёк,
Что там. Здесь на окне стоял графин,
И в комнаты просился мотылёк.

И мы как будто жили в веке том,
Где жизнь тиха. Всё страшное вдали.
Мы отложили небо на потом,
И ландыши ещё не зацвели.

Тогда, весной тринадцатого года,
Ты не заметил у меня седых волос.
И мы вошли ещё раз в эту воду
И в сад, где у стены малинник рос.

Осенний мёд

В переулках Никитской и Бронной найди меня –
Я заблудилась в лихом модерне.
Словно мне не прожить и дня,
Не теряясь здесь ежевечерне.

У меня для тебя припрятан осенний мёд.
«Знать, природа была щедра», –
Говорил мне пасечник у ворот.
И природа всегда права,

И Москва нестрого глядит на нас,
Переулки, особняки...
Я единственный знаю час –
Где твои узнаю шаги.

* * *

Защити от солнечного света,
Защити от горестной зимы,
Защити от ночи и рассвета,
Только не спасай от слова «мы».

Это слово движется над нами,
Отворяя ледяную зыбь.
Всё, что мы смогли сказать словами,
Никому уже не отменить.

Всё, что не сказали, — каждый знает,
Так бывает, это не впервой,
Но летает музыка над нами,
Словно луч предутренний живой.

И такое видится на вдохе,
И любое бремя по плечу.
На краю стремительной эпохи
Я любить и говорить хочу.

* * *

Нам с тобою жизнь не пережить.
Белый снег летает над Москвой.
Времени прерывистая нить —
Это ты встречаешься со мной.

Это мы стоим и ждём тепла.
Здесь до света — тысячи ночей.
Только каждая из них светла
Потому, что мы бываем в ней.

Возле церкви, в синих фонарях
Тень моя казалась мне темней.
Снег качался на пустых ветвях,
Ты под руку с тенью шёл моей.

Там мы расставались, чтобы ждать.
Чтобы выжить в каждой из ночей
И в пустую, новую тетрадь
Отпускать слова, как голубей.

Город

Отковырни кусочек кирпича.
Забор старинный. Воронцово поле.
Московская блестящая парча
Спадает до земли с её плеча,
А я стою на небывалой воле.

Как будто что задумано — сбылось,
Да так, что лучше и не загадать.
Мой город, время видящий насквозь:
Чего не стало, что убереглось,
На что ещё прольётся благодать.

Вот я ещё жива — в твоих руках
Сердца других неведомых людей.
И я не замечаю впопыхах,
Что на любых московских берегах
Блаженный, озорник или злодей,

Мудрец, глупец — в разноголосье нас
Един сплетённый издревле узор.
И если завтра не последний час
И будут живы Буки, Веди, Аз —
Я выйду из метро в живой простор.

И все дома посмотрят мне вослед
(Зашепчутся старушки второпях),
А я иду, как будто есть ответ
На что ещё вопроса даже нет,
Есть только свет, живущий в тех краях.

* * *

Я захожу в ворота ноября,
Так не проходит августовский вечер.
Под тёмным небом фонари горят,
Случайный лист мятежен и беспечен.

Так не проходит свет – стихает мрак.
Я поспешу по улице Тверской,
Где есть окно, как сердце, как маяк,
Как целый мир, желанный и живой.

Снег попадает мне за воротник,
Какие мне ещё найти слова?
Я заношу в невидимый дневник:
 Руки и губы твои целовать.

* * *

Любовь, исполненная силы,
Садилась на моё плечо.
Она меня не поразила,
Не опалила горячо.

Она меня не выбирала,
И я не выбрала её.
Не становилось мира мало,
Душа не впала в забытьё.

В тот день остановилось время.
Бежал сентябрь по мостовой.
Ликующе скользили тени
Под звуки сердца одного.

Москва нас прятала и пела
Нам колыбельные, как мать.
Одна любовь на нас смотрела,
Не предлагая выбирать.

* * *

Упадёшь, как в детстве, на колени —
Пожалей меня, моя Москва!
Дрогнули и вытянулись тени,
Закачались ночи кружева,

И фонарь над головой зажётся.
Может, ты услышала меня?
Или очень много в небе солнца,
Слишком много солнца и огня...

* * *

Взгляни со мной на эту площадь —
Там, за окном, мой дом.
И много злых, и много добрых
Бывает в нём.

От Якиманки до Зарядья
Летит снежок.
Бывает плохо в этом доме
И хорошо.

От неизбежного не милуй,
Свети в глаза.
Мне столько выпало по силам —
Не рассказать.

* * *

Живот болит, и счастье длится,
И мир висит на волоске.
Поёт осенняя синица
На перекрёстном сквозняке

О безнадежном, неизбежном,
Безвременном. Наступит срок
В забвении неочевидном,
Как вдохновенье, как итог,

Как рана тяжкая земная,
Как жизнь — не поле перейти,
Как счастье без конца и края,
Переведённые пути.

* * *

На нашем настоящем языке
Мы говорили долго и тревожно.
Мир нехотя висел на волоске,
И время прибывало осторожно.

Осенний снег ложился на траву,
Той зелени немислимая зыбкость
Горела сквозь опавшую листву
Последним светом, золотою рыбкой.

Я отвечала, путая слова,
И целый мир смотрел на нас иначе.
А снег летел, ложась на рукава,
И таял на щеке горячей.

* * *

Моя земля дождём обожжена,
И ей самой не верится в молчанье
Неспящего глубокого зерна,
Живущего в последнем испытанье.

Зима уходит. Птица у воды
Косит на свет зрачок нетерпеливый,
Зверёк несмелый путает следы,
И цветом почки наливает слива.

И мы с тобой, два берега реки,
Деревьев, трав подземное сплетенье,
И неба голубые островки,
И облаков живое оперенье.

И вся земля под небом и дождём
Вздыхает глубоко и дышит ровно.
Так мы с тобой однажды прорастём,
В один момент соединившись кровно.

* * *

О чём наш смех на улицах Москвы,
Дороги, голуби и долгие побеги.
Как будто из открытой пустоты
О долгом лете и последнем снеге,
Весь в ласточках, звенит, звенит апрель.
Как будто в мире не было причины
Нам встретиться с тобою лишь теперь,
Заветно, счастливо, светло, необратимо.

* * *

То сыпят снежинки, то льётся вода,
Сомкнулись за нашей спиной города.
Во двор и налево, ты знаешь этаж:
И город навек только наш...

...Кто бы знал, как рябина твоя горька,
Как круты берега реки.
Все холодные ягоды я возьму
Из тёплой твоей руки.

* * *

Мой мятежный товарищ, в такую ночь
Горестно быть одним.
На краю одной земли, ты – другой
Небезмятежно спим.

Сердце попросит (у Бога ли),
Молит оно о чём?
Мы городов не трогали, –
Молчу за твоим плечом.

Всё, что случится, – не отменить уже.
Камышовые кошки водятся в камыше,
Васильковые мыши селятся в васильках,
Слёзы мои тонут в твоих слезах.

* * *

Я не шпрехен зи дойч, я не спик, не парле,
Я оставила небо в твоей голове,
Виноградиной спелой, горячей на вкус,
Поцелуй на губах заживёт, как укус.

Заживёт, но не выжать из света впотьмах
Ядовитого сока темнеющих трав,
Прав ли кто в этой тьме на горящем свету...
Я тебя за собою веду.

* * *

Тёмного неба живой лоскут.
Я обретаю себя в феврале.
Счастье моё говорит: «Я тут».
Птицы молчат о весне.

Брызжет некрупный снежок, словно боль,
Я закрываю своё окно.
Так пощади и пока позволь
Мне говорить о весне.

Тянет на речку, за речкой – лес.
Лёд не шевелится, словно ждёт
Первого, кто пройдёт вот здесь,
Чтобы дойти до небес.

* * *

Это зеркало над моей головой,
Этот свет в окне.
Это сны плывут над Москвой-рекой
О тебе, обо мне, о тебе.

Дом Пашкова, май, Китай-город, ты
Улыбаешься, весел, пьян.
Словно крылья, сходятся все мосты,
Смотрит в небо подъёмный кран.

Твои руки гладят моё плечо –
Я найду ли теперь слова.
Наше сердце видит: река течёт,
Мерно вертятся жернова...

* * *

Это ночь, озарённая жутко,
Это новых морей берега,
Это нет у любви промежутка,
Это в землю уходит вода.
Это небо качается зыбкой,
Это скрещены наши пути,
Это жизнь позолоченной рыбкой
Хочет в море, не может уйти.

* * *

Обними меня своими пуховыми крыльями,
Поговорим о любви и дружбе.
Знаешь, небо бывает синее-синее
И дождь – никому не нужным.

Знаешь, сказки сворачиваются клубками,
Как котята, и кто их может согреть?
Небо синее, пролетай над нами,
Дай – смотреть на тебя, смотреть...

* * *

Ещё раскрой судьбы не обведён,
Кусочек мела крошится в руке.
Разъятия ничем не одолимы.
Качнулась тень от ветки на щеке,
А тень от птицы пролетела мимо.

Что скроено, уже непоправимо.
Слова горчат, приходят холода,
Но это наше лишь наполовину.
На кухне долго капает вода
И падает в трубу, как в сердцевину

Зерна, ореха попадает дождь, —
Жизнь неизбежно разнимает землю.
Как можно жить, не размыкая рук,
Так я свою судьбу приемлю.
Идёт иголка под сердечный стук.

* * *

Зачем мне это небо надо мной,
Когда в ночи не скрипнет половица,
Когда свобода, выбранная мной,
Взлетела в это небо, словно птица.

Зачем идти и как держать ответ,
Когда пуста другая половина.
Но почему тогда не гаснет свет —
Как будто бы и в нём мы неповинны.

Вот две жизни

* * *

Моя судьба не связана с твоей,
У нас не будет дома и детей,
Не будет ложек, чашек, одеяла.

Моя судьба течёт вперёд сама,
Она не знает ни забот, ни сна,
Ни счастья без конца и без начала.

Моя судьба родник, ручей, река,
В ней воды моря, свет и облака
И берега, оставленные ею.

Вот говорят, что тонут в тишине,
И я тону в моём вчерашнем сне,
Где дома нет, кастрюль и полотенец.

Хватает воздух выпавший птенец,
Ещё не веря, что пришёл конец,
Бескрылый птичий маленький младенец.

Из сада я несу его в руке,
В ладони бьётся сердце, как в реке, —
Моя судьба не связана с твоею.

* * *

Словно двери открывая в рай,
Уводя от долгого зимовья,
За руку держи, не отпускай,
Положи ладонь на изголовье.

Шевелится время за окном,
Гром гремит, а молнии далече.
Счастье греет сердце под крылом,
Да скрипит-бежит обычный вечер.

И дыханье обретает смысл
В тёмных сводах комнаты высокой.
За плечо как за судьбу держись
В этом страшном мире одиноком.

* * *

Но с кем я говорила и о чём,
Всё выпало из памяти, как снег.
Вот я стою, и за моим плечом
Ни прошлого, ни будущего нет.

Ни прошлого, ни будущего нет,
А всё же как изменчивы дороги.
Выходят к нам, как мотыльки на свет,
Как из лесу — единороги.

И, жизнь свою сжимая в кулаке,
Не помня ни о чём, хоть слово лечит,
Я этот мир на вечном ветерке,
Как воротник, кладу себе на плечи.

* * *

А я люблю кривые деревца,
Неровные, обломанные ветром,
На крышах и в асфальтовых тисках
За что они? Не стоит ждать ответа.

Все те деревья длятся и растут
Не так, как их счастливые собратья
В садах, лесах и парках, но и тут
Они стоят одной зелёной ратью.

Зима, весна, но только — погляди,
Тот дуб, разъятый молнией надвóе,
Пророс, как будто у него в груди
Есть сердце и оно — живое.

На свалке, на карнизе, на пути
У нового растущего района,
Что у таких деревьев впереди?
Одна лишь жизнь. Не ведая закона,

Она идёт по веткам и листьям,
Она спешит, на воле и в неволе.
И если в них она, то что же нам
Грустить или жалеть о нашей боли.

* * *

Мой друг, мы не стали моложе,
И старше мы тоже не стали.
Из берега, словно из кожи,
Из жизни своей вырастали.

А солнце светило как раньше,
И небо летело как прежде
Над долгой дорогой озябшей,
Над миром, что мал и заснежен.

И городом наполнился берег,
Чужой, незнакомый, далёкий.
А солнце — светило как прежде.
И небо казалось высоким.

* * *

Где то дерево, гриб где древесный тот,
Прилепился намертво — не сорвать.
И покажется — сколько лет прошло,
А когда посчитаешь — всего лишь пять.

Старый дом с мезонином увит плющом,
Как в рассказе, который ещё писать.
Там, где небо уходит за окоём:
Подоконник, письма, портрет, кровать.

Это солнце как счастье на пустыре,
Где полынь, лопухи и сныть.
Это берег виден в окна проём
До которого — не доплыть.

Только жизнь синекрыла и вечна здесь —
Никакого времени нет.
И полынь наша выросла до небес,
И на дереве — первоцвет.

* * *

Когда любишь меня, становлюсь огнём,
а потом водой.

Маятник белый. Маятник золотой.

Это всё было до нас и до первого дня,
это лишь я одна, это всё — для меня?

Как в океане трав, солнце в цветах дрожит,
белое-белое — небо в руках лежит.

Это не страшно, только смотреть вперёд,
это не важно, что дальше произойдёт.

Это случилось — долго смотреть в глаза,
и неизбежно — всё, что ты мне сказал.

* * *

Лети, лети на север, лепесток,
Где в небе рай, где сердце на восток,
Где время останавливает свет,
Где зренья и слуха больше нет,
А есть одна небесная прохлада.
Где я живу у времени в плену
И где мне большего — не надо.
Где нет чужих и незнакомых мест,
Есть только рай, простёршийся окрест,
С тобою целы мы и невредимы.

* * *

Любовь не знает кровного родства,
Не ведает ни смерти, ни судьбы.
Я подбирала лучшие слова,
Но вышли те – её. Из скорлупы

Мелькнувших дней, дорог и городов,
Из жизни, проходящей как во сне.
Они дрожали золотом оков,
Сжимая сердце и запястья мне.

И я с тех пор других не знаю слов,
Горит как солнце огненный браслет,
Идёт судьба, и слышен стук подков,
И нет времён, где нас с тобою нет.

* * *

Мальва выросла, переплетясь с крапивой,
Сухие коробочки, лёгкие семена.
А за забором качаются ветки сливы,
И синеют упавшие ягоды у куста.

Остывает солнце, но кто замечает это,
Если на сердце лето и морем пахнет Москва.
Если летит, танцуя, лёгкая наша планета,
Если я прячу сердце, как лебедей, в рукав.

Храбрая Василиса, лес твой тосклив и тёмн,
Но на опушке мальва выросла до небес.
Холоден мир и жесток, но до чего огромен.
И до чего высок в нём твой, Василиса, лес.

* * *

На Крутицком подворье поют петухи,
И у них соловьиная жажда.
Здесь под бархатом солнца живут лопухи,
Из камней прорастая отважно.

Как мы встретились в этом подворье весной
Или, может, в другом? Может, осенью, летом?
Вот две жизни... Но как они стали одной?
А когда... И не вспомнить об этом.

По холмам и просторам бескрайней Москвы
Сквозь сады и вишнёвую млечность
Мы шли рядом и были: дороги, мосты
И дворов проходных бесконечность.

* * *

От Невского до Тверской
Четыре часа пути.
Поля с луговой травой.
Лети же, сапсан, лети.

Рельсами вдоль небес
Соединяй мосты.
Город, болото, лес,
Реки, дворы, кусты.

Капель дождливый спрут,
Неба и ветра смесь.
Не изменить маршрут.
И не остаться здесь.

Трасса, огни, вокзал.
Поезд вздохнул, застыл.
Город меня встречал
И ты.

* * *

Там самолёт плывёт, как лодочка,
Едва касаясь облаков.
Жизнь фыркает, как сковородочка,
Не выходя из берегов.
Октябрь, но все деревья голы,
Сидит голубка у скамьи.
Снежинок лёгкие уколы,
Плыви же, лодочка, плыви,
Скользи белёсым, бесконечным
И оставляй высокий след
На небе слишком человечьем.
А есть ли небо? Если нет,
Что нам летящая игрушка,
Скамейки, клювы голубей.
Крошит свой долгий хлеб старушка,
И солнце плещет меж ветвей.
А самолёт летит над снами,
Он видел небо, он там был,
Над облаками и мирами,
Он, словно птица, легкокрыл.
А есть ли небо. Кто же знает.
Летит по небу самолёт.
Голубка крылья поднимает,
Старушка по небу идёт.

* * *

От любви до смерти
Мостик небольшой.
Не пойдём до края,
Ненаглядный мой.
На Арбате зимнем
Фонари молчат.
В городе старинном
Слышен лай волчат.
Снегом бесконечным
Накрывает тьму —
Ничего я больше
В мире не пойму.

* * *

Рубашка пахнет мёдом и вином,
И сходит свет с берёз на подоконник.
И мы по дому ходим босиком,
Где деревянный пол и рукомойник.
Стучит рябина пригоршней в стекло,
Плоды красны, как звёздочки из детства.
Меня в иное время занесло,
Где ты рубашку дал свою – согреться.
И, шлёпая по доскам ледяным,
Я поняла: всё может быть иначе.
Деревья, травы и осенний дым
На полутёмной и холодной даче.
Я продевала руки в рукава,
Сплетённые как будто из крапивы,
Как будто жизнь, что молодость, прошла,
А мы бессмертны и – наверно – живы.

* * *

Зато есть улицы и снег,
И снег летит за ворот.
Зима. И будущего нет,
Но есть метель и город.
Одна рука лежит в другой,
Снег падает и льётся.
Слова подхвачены рекой
На дне двора-колодца.
– Пойдём на Горького, пойдём!
– Куда? Идём, неважно!
И вот мы на Тверской вдвоём.
За холодом бумажным
Не видно лиц, дорог, машин,
Снег падает и тает.
Прозрачен мир и невредим
От края и до края.

Содержание

Я вернулась из Трои

«Есть такие потери, которых не избежать...»	5
«График новогодних выходных...»	6
«Осень. Деревья качаются в первом снегу...»	7
«Это ли август: стихийная ржавость травы...»	8
«Я вернулась из Трои, тебе привезла коня...»	9
«Так обретают свободу, разжата кисть...»	10

Мой рай из яблок

«А начиналось как начиналось всегда...»	13
«Так произносят...»	14
«Всю тьму ведут на поводке...»	15
«Задрожал мобильный в её руке...»	16
«это как перед тем как зайти в холодную воду...»	17
«На вечернем пляже камни белые, как кость...»	18
«Что мне делать с этим летом и этим Крымом?...»	19
«Как любить тебя долго и странно...»	20
«Это всё не о том, не о том...»	21
«Упасть и спать, и спать, и снов не видеть...»	22
«Расскажи мне, что я мертва...»	23
«Что ты ходишь по дому как зверский зверь...»	24
«Наступит ранняя весна, мы будем вместе...»	25
«Пожертвуй меня незнакомым богам...»	26
«Твоё имя рождалось в муках...»	27
«Ещё такая выпадет весна...»	28
«Мне не хватит ума отказаться от лучшей беды...»	29
«Всё в осени кажется рано...»	30
«Год обернулся крошечным цветением...»	31
«Вдруг Дантес на дуэли Пушкина не убьёт...»	32
«когда я сложила из осколков себя...»	33
«Неба живая пряжа...»	34

«От музыки больно, от света темно...»	35
«Томик стихов на моём столе...»	36
«Я ходила по городу — он был мне незнаком...»	37
«Мой рай из яблок и пустых ветвей...»	38

На берегах Москвы

«Мы заходили в старые дворы...»	41
Осенний мёд	42
«Защити от солнечного света...»	43
«Нам с тобою жизнь не пережить...»	44
Город	45
«Я захожу в ворота ноября...»	46
«Любовь, исполненная силы...»	47
«Упадёшь, как в детстве, на колени...»	48
«Взгляни со мной на эту площадь...»	49
«Живот болит, и счастье длится...»	50
«На нашем настоящем языке...»	51
«Моя земля дождём обожжена...»	52
«О чём наш смех на улицах Москвы...»	53
«То сыпят снежинки, то льётся вода...»	54
«Мой мятежный товарищ, в такую ночь...»	55
«Я не шпрехен зи дойч, я не спик, не парле...»	56
Тёмного неба живой лоскут...»	57
«Это зеркало над моей головой...»	58
«Это ночь, озарённая жутко...»	59
«Обними меня своими пуховыми крыльями...»	60
«Ещё раскрой судьбы не обведён...»	61
«Зачем мне это небо надо мной...»	62

Вот две жизни

«Моя судьба не связана с твоей...»	65
«Словно двери открывая в рай...»	66
«Но с кем я говорила и о чём...»	67
«А я люблю кривые деревца...»	68
«Мой друг, мы не стали моложе...»	69

«Где то дерево, гриб где древесный тот...»	70
«Когда любишь меня, становлюсь огнём...»	71
«Лети, лети на север, лепесток...»	72
«Любовь не знает кровного родства...»	73
«Мальва выросла, переплетясь с крапивой...»	74
«На Крутицком подворье поют петухи...»	75
«От Невского до Тверской...»	76
«Там самолёт плывёт, как лодочка...»	77
«От любви до смерти...»	78
«Рубашка пахнет мёдом и вином...»	79
«Зато есть улицы и снег...»	80

Светлана Хромова. Непоправимый рай

возрастная категория 16+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 27.08.2018.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5,25.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-6040915-8-6

9 785604 091586

Светлана Хромова родилась и живёт в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Октябрь», «НГ-Exlibris», «Литературной газете», альманахе «Алконость» и других. Автор книги стихов «Память воды» (2011).

ISBN 978-5-6040915-8-6

9 785604 091586